

РОЗА КИСС

ПЕВИЦА
РТОМ

Роза Кисс

Певица ртом

<https://litres.ru/74278677>

Аннотация

Я ХОЧУ СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ! Ни папы спонсора, ни мамы светской львицы у меня нет. А потому я иду на кастинг и...

... если что — я готова на ВСЕ.

Да, мечта того стоит. Но когда прослушивание переходит из студии в закрытый элитный клуб, и в приватной комнате я один на один с продюсером...

Встав на этот путь, с ужасом понимаю — я готова ко многому, но я не знала, что плата будет такой...

СТРОГО 18+

В тексте есть:

- властный герой (не один) и невинная героиня
- разница в возрасте герой старше
- доминирование и покорность
- эмоции на максимум
- горячие сцены
- ХЭ

Главы:

от лица героини — целеустремленной студентки ВУЗа
(героине 19 лет)

от лица героев — взрослых успешных мужчин

ОТ АВТОРА: Что делать, если очень-очень хочется?

Героиня твердо для себя решила — пойдет на все ради мечты. Но она не понимала, что взрослые богатые мужчины будут требовать не просто поцелуев...

Книга эмоциональная, героиня — пробивная девчонка. Сильная. Она верит в лучшее и... не сдается на выбранном пути.

Содержание

Глава 1. Крути бедрами и пой	5
Глава 2. Голая	9
Глава 3. Кис-кис-кис	12
Глава 4. Уже сейчас?	16
Глава 5. Не каждой так повезет	21
Глава 6. Мне петь или...	26
Глава 7. Что они задумали?	32
Глава 8. Может бежать?	35
Глава 9. Девушка, вы ко мне?	39
Глава 10. Она еще и поет!	44
Глава 11. Меня поймали	48
Глава 12. Я не могу...	53
Глава 13. Надо вытерпеть...	57
Глава 14. Уже не сбежать...	60
Глава 15. Последнее предупреждение	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1. Крути бедрами и пой

Я ХОЧУ СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ!

Ни папы спонсора, ни мамы светской львицы, которая меня продвинет, у меня нет. А потому я иду на кастинг.

Все по-честному.

Все сама.

— Ну-ну, заходи, — улыбаются мне два типа, один полный, крепкий такой, второй — глаза карие, худой и бесконечно ржет, — да-да, ты, давай заходи...

Пустая комната, обитая как в студиях звукозаписи, микшерский пульт и кожаный диван.

Большой. С каретной стяжкой. Черный.

— Ну, — давится со смеху худой, — хоть че-нибудь споешь?

— *Ты хоть петь умеешь?* — второй кажется серьезным, пока не растягивает полные губы-валики.

— Петь? Умею. Ну да.

Иначе я бы не пришла. Я че, дура что-ли?

Я учила серьезные песни, нормальный репертуар. Да и вообще учусь в актерском, я многое умею...

Терпеть не могу, когда говорят, что путь к славе — через постель. Но тем не менее понимаю, что даже если так — у меня нет другого выбора.

Мне хочется.

Я хочу.

И... вот я пришла.

— Умею. Да, — говорю негромко, голос почему-то неуверенный.

Они ржут и ржут.

— И что будешь петь?

Смотрю на них как на идиотов, но быстро меняю взгляд на... ну не то чтобы подобоострастный, но пытаюсь шутить и улыбаться им в такт. Вот и отвечаю смешно:

— Щас спою!

— Как в мультике, да? — ржет худой.

— Ну-ну, давай, а мы слушаем.

Пухлый, наконец, успокаивается и говорит серьезно:

— Ну все, давай что-нибудь спой.

Теряюсь и открываю рот, беру первую “до” второй октавы, но пухлый перебивает меня.

— Ты из нашего репертуара? Или свою?

— Свою.

— А, ну начинай, — и обращается к другому, — Сань, дай сигаретку...

Закидывает ноги на банкетку, заваливается на диван.

Они закуривают, а я начинаю петь, даже не доставая свою флешку с фонограммой. Беру противное “ля”, которое почему-то звучит, будто у меня нераспетое горло. Но я с утра пела “ма-мэ-ми-мо-му” и выходило недурно, по крайней мере мне так казалось. Но потом путь, автобус, полчаса пешком

и....

— Кхе, — эффектно так, прямо посреди высокой ноты мой голос дал петуха.

— Ну это... — начал губастый, но худой его перебил:

— Надо горло распеть. Давай... Ты распевалась сегодня?

— Угу, — киваю.

— Что-то не видно. Давай ты сначала разработаешь горлышко, а потом споешь.

На этих словах худой наливает бокал — золотистая жидкость и пузырьки — красиво. А пухлый протягивает мне сигарету.

— Спасибо, я не курю.

— А зря. Иногда это помогает горлу.

Отхлебываю напиток, в голову тут же ударяет хмель и, уже смелее, спрашиваю:

— Сигарета? И как же это поможет?

— Как? — худой, по совместительству Саня, смотрит на меня прямо, не мигая, — продолговатые предметы во рту девушкам очень помогают.

Вот, значит, как.

Намекает прямо.

По факту, это даже не намек, а прямым текстом...

Не знаю как на это реагировать.

Пью еще. Слегка отпиваю. Не хочу казаться какой-то не такой, что, мол, я не пью того, что мне продюсеры предлагают.

Я соглашаюсь.

Соглашаюсь на все.

НА ВСЕ.

— Ну что ты девушку пугаешь!

— Да брось, Марк. Она не из таких!

Тот который Марк — смотрит на меня так, что мне хочется вжаться в стенку: изучающе, нагло, раздевающе...

Черт.

Я знала куда шла.

Нет, не то чтобы я согласна, но... Если надо — прямо не знай как надо и от этого зависит стану ли я звездой — то я скажу ДА.

Четкое.

Уверенное.

— *Раздевайся,* — уже без смеха говорит пухлый, — *и голая вставай к микрофону. Крути бедрами и пой.*

Глава 2. Голая

Такого я не ждала, чтобы вот так сразу. Думала, если через постель — то когда-нибудь потом, чтобы стать уже совсем знаменитой. Но чтобы сегодня... сразу... вот так...

Вздыхаю. Была-не была. Благо, я к этому уже давно морально готова и понимала, что одним талантом путь себе не пробьешь.

Поборов стыд, я снимаю с себя легенькое платье, которое и так на просвет как марля. Я специально надевала прозрачное, чтобы смотреться секси-секси.

Хотела понравиться.

Понравилась.

Все просто как дважды два.

Снимаю.

Смотрю на их лица.

Послушно снимаю трусики.

— И босиком. Босоножки твои, — они смотрят на мою жалкую обувь, — сейчас не в моде.

Совершенно голая иду, беру в руки микрофон, подношу ко рту и... не могу вымолвить ни слова. Звуки теряются, горло как будто сжатое.

Сглатываю.

Голову от спиртного зажало в тиски.

— Ну, пой. Будешь петь?

Киваю.

Конечно буду.

Че мне еще делать голой?

Конечно, само собой ясно — петь. На другое я не согласна. По крайней мере... пока не спою.

И пусть попробуют перебить!!!

Я буду петь долго и громко!

Один включает фонограмму, второй — негромко говорит название песни. Да, я слышала ее много раз, он сам написал ее.

Видимо, приятно, когда другие поют твое.

Особенно голышом.

Особенно девушки... около микрофонной стойки.

Деваться некуда. Спою, хоть эта песня мне не по диапазону, да и горло еще и хрипит...

Вздыхаю.

Пою.

— В твоиииих рукаааах...

Выходит шепеляво.

Грязно.

Но они не останавливают.

Деваться некуда. Продолжаю петь.

— Крути бедрами, поворачивайся, — он делает жест, чтобы я крутилась.

Пытаюсь как могу соблазнительно, но становлюсь словно деревянная.

Почему?

Дома я частенько крутилась перед зеркалом голой, пела, открывала широко рот, даже гладила себя, а сейчас...

... дуб дубом.

Блин.

Все не так.

— Хватит, все ясно. Стоп. Ты не хочешь.

Другой поддакивает:

— Да. Спасибо. Одевайтесь, — Марк переходит на казенное “вы”.

Все держу микрофон в руках, крепко сжимаю и... говорю то, что совсем не готовила.

То, что вертелось на языке, когда я шла сюда.

То, что должно... сделать меня звездой.

— Я готова... на все...

Они кидают на меня удивленные взгляды. Марк смотрит не мигаючи, а Саня... блин, он опять ржет.

Марк говорит серьезно, будто речь уже идет про мой контракт:

— Насколько?

— На столько... сколько прикажете...

— А конкретнее?

Выдыхаю.

Сердце стучит как бешеное.

— Я. Готова. На все.

Глава 3. Кис-кис-кис

Саня закатывает голову и ржет, а Марк непонимающе смотрит:

— Ты че девочка решила тут... натурой торговать?

Краснею. Шепчу сухое:

— Нет.

— У нас тут шоу-бизнес, а не базар, — Марк смотрит на меня серьезно, но Саня его перебивает:

— Да че ты строишь из себя... Она все правильно поняла!

И ржет.

Марк вслед за ним тоже.

Я говорю свой козырь... Единственное, чем могу похвалиться:

— Я... я учусь в театральном.

И понимаю, что им наплевать.

Марк даже не слышат, а Саня... указывает на меня рукой с бокалом:

— Так изобрази певицу! Певицу ртом!

Марк не перестает быть серьезным, хоть и Саня только и делает, что ржет.

— Вот эту споешь? — Марк переключает мелодию.

Из колонок полилась другая музыка, мотив более медленный, соблазнительный.

Молчу.

Вспоминаю слова.

— Текст можешь загуглить, — протягивает мне мою же сумку. Достаяю, вбиваю запрос и начинаю петь. Ну как петь — тупо открываю рот под фонограмму и вдруг понимаю...

Я пою под плюс.

ПОД ПЛЮС!

Нафига мне под плюс?

— Красивее качай бедрами.

Продолжаю открыть рот — “петь” практически молча.

Но танцевать уже получается легче, тело начинает хоть как-то двигаться. Зажатое горло не мешает.

Однозначно — петь под плюс легко!

Саня хлопает в ладоши и ржет, ухахатывается и что-то говорит Марку. Пытаюсь расслышать что, но музыка долбит бас прямо по моей башке.

— Стой-стой, — прерывает меня Марк, — а ты можешь под быструю еще?

Включает другую. Текст уже не ищу, зачем он мне?

Я так “спою”.

Марк одобрительно кивает, а Саня, развалившись, смотрит и держит в руках бокал.

Мне кажется, я пройду этот кастинг. Эта мысль согревает и заставляет двигаться интенсивнее, быстрее, сильнее крутить бедрами...

Я даже забываю, что я голая, что на меня смотрят мужчи-

ны, что я... Что я пришла вообще-то на кастинг и что мне надо/не надо — нужное подчеркнуть — уметь петь.

Марк снова одобрительно кивает, но Саня тянется к компу и выключает музыку.

— Стоп! Стоп! Стоп! — он хлопает в ладоши, — но горлышко-то... Горлышко еще не распето! — он выразительно смотрит в сторону коллеги и я понимаю почему.

Марк закатывает глаза и бросает короткое:

— Все у тебя через одно место.

— Почему через одно? Я могу ее через разных три! — Саня отвечает ему и ржет.

Интересно, че ему смешно-то?

Марк берет в руки ключ и говорит недовольное:

— Все-все-все. Ухожу.

Не успеваю понять, как мы остаемся с Саней одни в небольшой звуконепроницаемой комнате.

Музыка звучит тише. Я не пою — стою. Даже не верчусь.

Не понимаю что к чему и что мне сейчас предстоит делать.

Саня наливает бокал, выпивает залпом, касается бугра на джинсах...

Меня настораживает его взгляд.

Стою. Смотрю.

В мозгу пробегает желание поскорее одеться. Но я понимаю, что так делать не стоит.

Саня — мое все.

Продюсер, который меня... продвинет вперед. И не только в перед, судя по его взгляду. Но и в другое место.

Либо, как он только что пошутил — во все три.

Он расстегивает ремень и, глядя в мою сторону, ухмыляется:

— Кис-кис-кис...

Глава 4. Уже сейчас?

— Ну же, киса, идем.

Он манит меня пальцем.

Я понимаю все.

Понимаю, чего ему от меня надо и почему Марк, закатив глаза, ушел.

Стою ни жива, ни мертва.

Я была к этому готова, но...

... одно дело это ЗНАТЬ, другое — делать это прямо сейчас.

Вот СЕЙЧАС пойти на его зов и улыбнуться.

СЕЙЧАС быть готовой... дать.

Он продолжает смотреть, касается расстегнутых джинсов, гладит вставший бугор члена.

— Кис-кис-кис, — и заливается смехом, — ксссс, иди сюда.

Я пропала.

Надо.

Сейчас.

Сейчас же...

Или уходить.

Убегать-улетать-испаряться.

Натягиваю улыбку, иду, а у самой зверски трясутся колени. Сердце выбивает идиотскую дробь, пальцы трясутся.

Я же знала на что иду. Но... не представляла в подробностях.

Я ни разу не... делала ЭТО.

Мне девятнадцать.

Я девственница.

И я хочу петь.

Я хочу стать звездой, чтобы красивой скакать на сцене, много зарабатывать и позволять себе все-все-все.

Я...

Он вскидывает бровь видя, что я медлю.

Делаю шаг.

Второй.

И... иду.

На чужих ногах, мои коленки меня не слушаются. Приближаюсь абсолютно голая к незнакомому мужику. В голове пролетает все — будто вся жизнь мелькает перед глазами. Вот я с утра иду в театральный, вот потом я гуляю по пути с учебы, вот..

... и вот я КИНОЗВЕЗДА!

Вообще-то я хочу петь, но если предложат в кино — я согласна. Только пожалуйста прошу-умоляю — не в кино для взрослых, такого я не хочу.

Смотрю Сане в лицо, вижу, как он напрягся. Такой смешливый парень и вдруг — гроза района, выглядит он именно так. Суровый взгляд, сдвинутые на переносицу брови, напряженный кадык...

Неужели он возбужден? Только что ржал, ему было неприлично весело...

— Ну? — смотрит на меня как бык, — иди сюда.

Я подхожу и касаюсь голыми коленками его джинс, грубая ткань сейчас кажется мягкой. От страха все внутри напрыглось так, что я сейчас — сжатый комок страха, дрожи и всего ужаса вместе взятого.

— Ты хочешь работать?

Не понимаю что он имеет в виду. Если звездой — то да, хочу и на многое согласна.

А если он про...

Стою ни жива-ни мертва. Смотрю в пол, поднимаю взгляд на ширинку и вижу, как она вздыблена, а под ней что-то пульсирует. С ужасом понимаю что.

Он сидит, попивая вино, подносит к губам бокал и на меня выразительно смотрит. Если предложит сейчас выпить — выпью, главное, чтобы предложил.

Но он неспеша пьет сам и посматривает на меня через выпуклое дно бокала. Его глаза приобретают огромную смешную форму, а лицо — словно он рыба в аквариуме...

Несмотря на весь этот ужас мне становится смешно. Кончиками губ слегка улыбаюсь, подергивает плечиками — стараюсь кокетливо, но выходит, будто меня вот-вот разобьет insult.

Или инфаркт.

Но нет. Главное, чтобы не все вместе сразу.

Поджимаю губы, тут же старательно их облизываю, поборов дрожь смотрю ему в глаза, отвечаю:

— Хочу.

Он не спешит доставать сам. Мне предстоит самой. Самой достать его... причиндалы, как-то снять трусы с него — с живого здорового мужчины...

Совершенно не представляю, не разу не видела подробностей. В фильмах для взрослых все уже сразу голые и как быть с продюсерами — лично я не знаю.

Но я знаю одно: чтобы стать звездой — надо понравится, а значит, выбрать хорошего продюсера и сделать все, что он велит.

Наклоняюсь, решаюсь коснуться рукой его джинс, вздутой ширинки, которая уже прилично оттопыривается. Она пульсирует, молния сияет и я не знаю как правильно ее расстегнуть...

Честно, мне было бы проще, если бы он сам. Сам взял меня, заставил, а лучше — принудил. Тогда и на душе как бы чище, и... в плане техники мне было бы легче.

Но надо самой.

Он сидит, совершенно ничего не делает, только смотрит на меня и явно ждет. Ждет, что я буду сама делать все, чтобы ему понравится.

Ждет и не сомневается, что я готова на все.

Я сейчас приступлю...

Я это сделаю.

Пусть и не знаю как правильно делать. НО обещаю себе
— я разберусь.

Глава 5. Не каждой так повезет

— На коленях, — голос звучит как будто откуда-то сверху.

Но это просто моя башка уже так все воспринимает... со страху...

— ... на коленях! Киски ходят на коленках, кис-кис, — Саня смотрит на меня серьезно и, не выдерживает, ржет. Трогает ширинку джинс, касается, сжимает член и делает жест, чтобы я отошла.

Не понимаю зачем отхожу, сама вижу — я не просто делаю шаг, а как-будто отшатываюсь назад в страхе.

В омерзении.

В испуге.

Не надо бы так... Вряд ли я такой понравлюсь.

Надо вести себя хорошо.

Жестом показывает сесть вниз, вернее встать — на четвереньки, униженно на коленки.

Смотрит, как я опускаюсь на пол, как начинаю к нему ползти.

Стыдно?

Вот честно — нет. Ни капельки.

Не каждый найдет дорожку как попасть к крутым продюсерам на просмотр.

Не каждая понравится.

Не каждой предложат... через постель.

— Для этого еще и рожей выйти надо, — говорила Лизка однокурсница.

Тогда я посмотрела на себя в зеркало мужскими глазами и... поняла:

Я смогу.

Я прорвусь.

Я сделаю.

А вслух тогда захихикала и повторила, смеясь:

— Через постель?

— Ну да.

— Блииин, кто же это согласится?

— Те, кто хотят золотой жизни.

— Золотой?

— Ну да. Чтобы все чики-пуки.

— Как?

— Чики-пуки, ну че ты какая, Лиза! — толкаю ее ладошкой и заливаюсь со смеху, она по-смешному надувает губы и типа как ругается, — Лиза, ну ты даешь, твою мать!

Мы обе с ней Лизы, а потому, чтобы не путаться, я придумала себе — Элис, как звезда, а она — так и осталась Лизой.

Я придумала и всем понравилось. Так нас и привыкли называть.

Ярко белый блонд и розовая прядь — я полжизни хотела покраситься в синий и сделать татушку на шее. Но мама не

разрешала. А я так хотела... Ммм... тааааак...

Рисую глаза — бешеный смоки-айз и в уголках зеленый, еще и добавила блеска, чтобы точно смотреться охрененно.

— Ксссс, — отрезвляет меня.

Я уже приползла.

Уже около паха.

Настало время когда... надо делать что-то самой.

Поднимаю ладонь, собираюсь как-то стянуть вниз его джинсы, но он отталкивает мою руку, хватает за волосы и притягивает прямо носом и ртом к себе.

Утыкаюсь, не дышу, но он так долго меня удерживает, что инстинктивно беру вдох, открываю рот и слышу наглое:

— Уже не терпится?

И снова ржет.

Отпускает. Разливает по бокалам и закуривает. Держит меня за волосы оттягивает голову назад, заставляет посмотреть ему в глаза и... улыбается:

— Красивая киса... волосы розовые... а глаза че не розовые... — наклоняется, пристально смотрит.

Облизываюсь. Молчу.

Я видела, надо красиво облизывать губы. Эффектно. Даже делала так перед зеркалом и, украдкой, на уроках — тестила на однокурсниках, но что от них толку...

— Сейчас порозовеют от удовольствия... — он говорит и ржет.

Одоставляет член и проводит им по моим губам. С непри-

вычки снова облизываюсь:

— Нравится?

Киваю.

Он сильнее оттягивает мою голову:

— Отвечай и смотри в глаза.

Говорю тихое:

— Дааа...

Головка тут же входит мне в рот, доходит до самого горла, утыкается в его мякоть и больно ударяет несколько раз.

Он с силой держит меня за волосы, не дает даже дернуть-ся, его член поршнем ходит в моем горле с такой дикой силой, что аж слезы на глазах. Головка утыкается в горло, мнет, давит, больно толкается...

И отпускает.

Саня берет глубокий вдох, запрокидывает голову назад, откидывается на спинку дивана и говорит возбужденное... рычащее...

— ААААаааа...

Он вынимает все еще возбужденный, и говорит уже строго, без смеха:

— Дальше давай сама. Покажи себя.

Эта фраза стала для меня как огонь.

Нет, не зажгла.

Напугала. Ошпарила.

Лучше бы он взял меня силой и сделал так, как ему надо.

Трахнул бы.

Я не знаю... как это — “сама”.

Деревянею, держу ЭТО в руке и совершенно не знаю что с этим делать. Догадываюсь, конечно, что надо взять в рот и...

— Так дело не пойдет.

Он смотрит на меня строго.

Не смеется.

Даже не улыбается.

Говорит спокойно, без злобы и без агрессии — четко, строго, по делу:

— Или соси по-человечески, или уходи.

Глава 6. Мне петъ или...

Мобилизую все свои силы, в жопу затыкаю характер, который так и хочет взорваться и спросить — с какого фига сосать, когда я пришла петъ?

Но, блин.

Блин!

Я отлично все понимала.

И я говорила себе... что ДА...

Если что — то да-да-да.

И вот теперь сижу между ног у малознакомого мужчины. Он даже не послушал как я пою.

Не сказал — нравится или нет.

Не дал понять какое меня ждет будущее и вообще — стану ли я певицей, возьмут ли они меня.

Или просто используют как вещь.

Нет уж.

Мне такое не нравится.

— Я пришла петъ, — говорю, глядя на его член.

Не смею поднять глаза, хоть и очень хочется. Но внутри как будто шлагбаумом — волнение, стеснение... по коже прошла дрожь...

Он не расслышал. Вернее — утопил мои слова в бутылке. Он пьет уже не из бокала, а можно сказать — прямо из ведра.

Не парясь, чтобы нормально налить, Саня прикладывает

ся прямо к банке с пивом. Начал шампанским, закончил... за упокой...

Я все держу член. Смотрю на него и... *понимаю, что переоценила.*

Переоценила себя.

Свои возможности.

Умения.

Свой контроль.

Я действительно могу сказать “да” и себя сейчас заставить ЭТО сделать.

Тупо открою рот.

Тупо возьму.

Начну лизать, сосать, давиться... Как-нибудь то справлюсь...

Но...

Надо ли... И что я получу взамен?

— Вы не сказали я... Я вам понравилась? Я... я подхожу?

Звучит до жути глупо, но... Я реально не знаю что мне делать.

Встать уйти?

Взять в рот и сосать?

Хоть раздвоиться, сделать и то, и то, и посмотреть что из всего этого выйдет.

Стану ли я звездой или меня кинут к чертям?

Он смотрит на меня так, словно я — забавная мышка у его ног. Даже не кошка.

— Значит так, девчонка. Все зависит от того умеешь ли ты сосать...

Прознает обидой как стрелой.

Я, вообще-то, хочу быть певицей.

Но раз так...

Раз такой путь...

Обхватываю его штуку рукой, делаю это как будто умело — можно подумать, я делаю это каждый день. По крайней мере, мне кажется, что получается опытно, но как на деле...

... волнуясь, поднимаю глаза.

Вижу по лицу — ему это не понравилось, но он не стал ничего говорить и делать.

“Давай сама”.

Сама.

Сейчас.

Уже.

Открываю рот, растягиваю губы и нанизываюсь... Именно нанизываюсь, по-другому никак.

Открываю рот и раскрытым ртом... сжавшимся горлом...

... касаюсь... тыкаюсь... пытаюсь...

Тяжелая рука на голове. Он давит, приближает к себе, заставляет принять его глубже.

И, усмехаясь, говорит:

— Ты че, первый раз что ли?

Поднимаю на него глаза и робко киваю.

Да.

Первый.

Он вынимает из моего рта член и уже на полном серьезе:

— Че, первый раз делаешь минет?

— Ага.

Он вскидывает бровь. Хватает меня за волосы, но резко подпрыгивает от стука в дверь.

Тут же убирает член, делает это с крайне недовольным видом.

— Войдите, — в сторону двери, а дальше обращаясь ко мне, — ты же взрослая...

— Да...

— И все еще?

— Ну... так вышло.

Стук повторился снова. Нехотя, Саня встает. Бурчит себе под нос:

— Кого еще принесло...

Открывает.

На пороге девица.

— Сань, сегодня программа...

Он даже не утруждается ее дослушать, говорит сразу же:

— Вали отсюда, че пришла.

Девица кривит губы, уходит, но не особо на него обижаясь. Он вслед кричит ей:

— Лена, Марка позови.

— Щас?

— Ну да.

— Мне не по пути, — слышу ее ленивый голос.

— Я сказал позови, сучка жопастая!

Смех. Ненастоящий, искусственный, слишком залихватский.

— Ну ладно, Саш.

— Давай быстрее двигай жопой, — он торопит ее и смотрит вслед.

Я встаю, быстро надеваю платье, беру в руки трусы и так и замираю.

Саня оборачивается, смотрит на меня и усмехается:

— Ну точно девственница.

Я чуть не киваю. Почему-то чем дольше нахожусь здесь, тем сильнее стрессую.

Пришла сюда вообще на понтах. Думала как спою — они оценят голос, талант, умение танцевать, но...

Знакомый голос:

— Ты звал?

— Смотри, она совсем девственница.

— Оу, — Марк изображает безумный интерес, — вы уже... проверяли?

— Нет. Она сказала сама.

Марк обращает внимание на меня, подходит, спрашивает:

— Девочка... Как тебя звать...

— Лиза.

— Лиза... ты... правда... ?

— Угу, — скромно и робко.

— Девственница? — удивленно.

Растерянно смотрю и говорю тихое, скромное... говорю и краснею...

— Да.

Глава 7. Что они задумали?

— Тогда по-быстрому решать не будем, — Марк смотрит на меня оценивающе, — такие телочки нарасхват.

— Ну-ну, руки прочь, — серьезно заявляет Саня, — я вообще-то первый.

— Охренел чтоль? Не трожь ее! — Марк аж быкует. Боже мой, как это приятно.

Саня смотрит на него и ржет. Марк продолжает и... у меня трясутся коленки от его слов:

— Мы хорошенько с нее получим, подложим под этого... он таких любит...

— Так я за этим тебя и позвал. Или ты думаешь че, — он ржет, — разрешения у тебя спрашиваю?

Не понимаю о чем они.

Меня хотел трахнуть один, узнал, что я девственница и... теперь их двое.

— Слушай, малышка. Есть тут одно предложение...

— Да ты ей не говори!

— А я и не скажу...

Смотрю на них как на ненормальных. Сжимаю трусики в руке, от страха во рту все пересыхает, но я все же говорю:

— Нет уж. Скажите мне все как есть. Или... мне это не подходит.

— Да ты не стрессуй, малышка! Пстой-пстой, — Марк

касается меня так, словно знает как успокоить.

Только вот меня это совершенно не успокоит, отнюдь!

— Ты же еще и в актерском?

Отвечаю коротко:

— Ну да.

— Вот и отлично. Значит, точно подойдешь.

Они делают друг другу знак — переглядываются и молча кивают, после чего Марк веско говорит:

— Сегодня вечером выступишь в клубе, будешь там просто — красивой девушкой.

— Певицей ртом... — дополняет Саня.

Непонимающе смотрю: в каком клубе и что мне надо делать?

— А что буду петь?

— Тебе там скажут.

— Скажут?

— Ни о чем не беспокойся. Отработаешь под плюс.

Замечаю, как Саня делает Марку жест — иди-иди — типа выпроваживает. И чтобы уж наверняка, говорит вслух:

— Ну все, порешали. Теперь иди.

— Эээ... Ты тут с ней это...

— Хах. Я только немного...

— Деньги важнее, — Марк корчит ехидную рожу, а потом смотрит на меня, — хотя я бы не удержался и трахнул такую телочку, если бы не новый проект...

— Неа, — Саня с ним соглашается, — нам надо бабло. А

Боря за такую хорошо так раскошелиться...

Марк нехотя уходит, а Саня резко запирает двери.

— Отсоси по-быстрому и пойдешь. Сегодня будешь для Германа петь.

Решаюсь спросить:

— А что все это значит?

— Для нас — ты хорошая сделка, — он говорит прямо.

— А для тебя...

... садится на диван, приманивает меня пальцем.

Несмело подхожу. Теперь я уже точно не уйду. Меня записали на вечернее выступление.

Опускаюсь перед Саней на колени.

Он берет меня за волосы, приказывает открыть рот.

Беру рукой член, касаюсь языком его соленой поверхности. Скольжу, глажу, посасываю и слышу его слова:

— ... а для тебя — это возможность стать супер звездой.

Глава 8. Может бежать?

Его слова по-большому резанули, они звучат как насмешка. Внутри все сжимается от злости.

Это жуткое слово “сделка”, будто я товар.

Я пришла петь, но вместо этого сижу у ног продюсера, который меня просто... перепродает кому-то.

Он не будет мной заниматься, но я зачем-то у него отсываю.

Зачем???

Саня грубо входит в мой рот, заставляя меня давиться. Я пытаюсь найти ритм, но он контролирует каждый мой вздох, каждый рывок.

Сжимает пальцы в моих волосах так больно, что на глаза наворачиваются слезы.

— Вот так, — его голос низкий, властный, — учись слушаться. Герман любит послушных девочек. Ты думаешь, он будет твой голос слушать? Нет. Он будет смотреть на тебя. На живую говорящую куклу, которая после сцены упадет ему в ноги и сделает все, что он захочет. Ты поняла?

Он двигает бедрами, глубже заходя в горло. Я уже не могу дышать, тело напряжено, инстинктивно пытается вырваться, но его хватка становится еще сильнее.

— Не зажимай... Говорю же, горло не подготовлено, — он толкает сильнее, вдавливая, сминает мое нежное горло,

— *певице так нельзя!*

Его голос становится низким, хриплым, рычащим:

— Ыыыууу, — вжимает мое лицо в пах, член раскрывает мое горло и настойчиво лезет глубже.

Дергаюсь. Давлюсь. И ощущаю во рту густое тепло.

Это только минет, — в голове пролетает ужас, — это только начало. А дальше меня ждет...

Не успеваю додумать — пугаюсь настойчивого стука в дверь. Саня чертыхается:

— Ипать нахрен блин суки кого принесло... — выдает он трехэтажный.

Стук повторяется, за дверью бурчание Марка:

— Саня блин нахрен открой, че скажу.

— Че?

— Дверь нахрен открывай.

Выдыхаю, слава богам, у них свои какие-то разговоры. Сейчас хоть немного передохну.

А может меня на этом и отпустят — хотя бы до вечера.

Представляю, как я сейчас выйду охолонуть — на улице май, жара, но пока еще не жарит до одурения.

Пойду в кафешку, возьму себе кофе и, может, свежий пончик с сахарной посыпкой.

Правда денег на это все нет...

Но я так люблю сладкое, но безумно себя в этом ограничиваю — не ем, берегу плоский живот.

А сейчас съем, сейчас позволю себе, сейчас можно. Не

много, пару пончиков — и вкусный горячий чай, а может и кофе — такой, чтобы бодрил, дал силы продолжить свеженачатый путь.

Выдыхаю, по указке Сани отхожу назад, быстро вытираю губы. Он притягивает меня к себе:

— Если че — я твой рот не трахал. Понятно?

Молчу, не отвечаю ни слова.

— Ты меня поняла? — притягивает так, чтобы я посмотрела в глаза.

Я УЖЕ должна врать.

Еще не знаю о результате, у меня нет никакой карьеры...

Киваю, но по прежнему молчу. Решаю по-минимуму говорить.

— Щас, хватит долбиться блин, — Саня застегивается на ходу, открывает дверь и впускает обезумевшего Марка.

— Слушай, Сань...

Марк начинает и замирает глядя на меня:

— Девочка, а ну-ка выйди отсюда, нам надо поговорить.

Выхожу за дверь, успеваю схватить сумку. Стою в коридоре, быстренько поправляю платье. Трусы я так и не надела, оставила там.

Может бежать?

Вообще надо бы, — внушает трезвый мозг, но я понимаю, что пожалею. Потом другого варианта уже может не быть.

Как опыт показал — пою я вовсе не на ура, голос дрожит,

сбоит, сбивается. Но если пойду куда-надо — Саня пообещал, меня сделают супер-звездой.

То, чего я хочу.

То, о чем жадно мечтаю.

Дверь мягко приоткрывается, Марк уже собрался на выход и через мгновение шире откроет дверь...

... и если бежать — то прямо сейчас.

Глава 9. Девушка, вы ко мне?

Бегом по коридору, сворачиваю в закоулок, нихрена не помню как сюда заходила. Шла на диком вайбе уверенности и жажде славы, не сомневалась, что понравлюсь...

... я же пою...

Не знаю куда идти, стремительно поворачиваю на право, но вспоминаю принцип лабиринта — надо придерживаться левой руки.

Выбегаю, вижу высокую лестницу и слышу шаги.

И голоса. Мужские. Похоже на Саню и Марка. В ужасе лечу наверх так быстро, как никогда еще не бегала.

Здание внутри большое, но внешне кажется приземистым. Никак не думала, что заблужусь.

Лечу по коридору вперед — такой же как внизу, только этажом выше. Уже вижу вдалеке лестницу вниз... как вдруг плечом получают болезненное бабах!!!

— Ой, черт, девушка вы откуда...

Высокий двухметровый блондин, лицо приторное, но красивое, зубы белые — такие же как унитаз после чистки средством.

— Я...

Рядом с ним, в проеме, показался человек лет сорока — лицо сдержанное, глаза карие, рост невысокий, но бицепсы с мою талию:

— *Девушка, вы ко мне?*

Так стучится сама судьба.

Нагло говорю “да” и что будет дальше — неважно. Может, он послушает мой вокал?

Блондин прощается, уходит, я захожу в новый кабинет звукозаписи и молюсь, чтобы меня пронесло. Ну не в прямом смысле, а в плане этих двух выроdkов, которые, наверное, меня уже ищут.

— Что же, проходите. Что будете петь?

А может, я попала просто не туда, вошла не в ту дверь — такое же бывает?

— Я приготовила репертуар, — вынимаю из сумки флешку и не вовремя вспоминаю, что я без трусиков.

Начинает трясти, а мне сейчас петь.

Черт. Надо бы успокоиться.

— Проходите, — он указывает на стеклянную будку.

Кстати, почему-то у Сани и Марка внизу такой нет.

В мыслях пробегает ерунда, что, может, они вообще и не продюсеры, но в голове тут же мелькают статьи журналов — лица знаменитые, значит, я попала туда. Но тут однозначно лучше.

Прохожу в будку, слышу его команду:

— Начинайте, когда будете готовы. Я послушаю.

Захожу в будку, надеваю наушники. Через стекло вижу, как он садится за пульт, его внимание полностью приковано к экранам и микшерам. Он не смотрит на мои ноги, не оце-

нивает тело.

Он ждет голоса, он правда хочет услышать как я пою.

Беру глубокий вдох, забываю про Саню и «Германа», про унижение, про то, что я уже успела отсосать и потерять трусы.

Благо, девственность еще сберегла и не знай что бы было, если бы я так и осталась в коридоре...

Закрываю глаза и позволяю себе запеть. Беру первую ноту легко, но с капелькой дрожи, волнения. Чтобы перестать трястись — закрываю глаза и позволяю фантазии улететь.

Представляю огромный зал, легчайшее прикосновение платья. Вместо гула компьютера — нарастающий, как прилив, гул тысяч голосов. Они скандируют мое имя — сценическое, звучное. Этот гул бьется в висках, пульсирует в крови...

Чувствую прилив сил, слышу свою минусовку, голос струится уверенней, сильнее...

Я делаю вдох и луч софита выхватывает меня из темноты. Он слепит, но сквозь его горячий свет я вижу море — настоящее море из светящихся браслетов, поднятых телефонов, восторженных лиц. Они качаются в такт музыке, которая наполняет собой все пространство.

Я пою, и мой голос летит под самые своды, к самым дальним рядам. Он обволакивает каждого, заставляет замолкать, замирать, плакать.

Я вижу, как на глазах у девушек в первых рядах блестят слезы.

Вижу как мужчины смотрят на меня с благоговением, а не как Саня — желая трахнуть и продать.

...пою восходящий аккорд, пропеваю сложные ноты... Сейчас яркий виток вверх и надо попасть очень высоко — на ля бемоль второй октавы...

На миг приоткрываю глаза, вижу продюсера — он по прежнему смотрит в экран...

Вновь закрываю глаза и... двигаюсь по сцене. Я не просто пою песню — я рассказываю историю.

Свою историю. О своем пути.

На последней ноте я замираю, раскинув руки, на секунду воцаряется абсолютная тишина.

И меня накрывает волна — грохот аплодисментов, оглушительный, сокрушительный, похожий на ураган. Он бьет в уши, в грудь, заставляет кожу покрываться мурашками.

Крики «Браво!» и «На бис!» сливаются в один непрерывный рев.

Я делаю поклон — легкий кивок головы, с губ срывается самая искренняя улыбка за много лет.

И... бесконечные цветы. Их так много, что их аромат смешивается с запахом сцены и горячего света. Автографы на афишах с моим лицом. Объятия фанатов, их дрожащие голоса:

«Вы изменили мою жизнь!»

И осознание, что да. Я не просто певица. Я — действительно искра света. И ради этого стоило пройти через мрак.

Смотрю на лицо мужчины, он жестом приглашает выйти. Подхожу к нему, он смотрит на меня серьезно и говорит, откидываясь на спинку кресла:

— Ну, в принципе, такая-то мне и нужна.

Пытаюсь не скакать от радости, просто улыбаюсь, в знак благодарности киваю. Прижимаю руки к груди как глупый смешной божок.

— *Слушай, а ты...*

Он смотрит на меня серьезно:

— *... от кого пришла? Так-то кастинг у меня закрытый, с улицы не набираю. Ты чья?*

Он тянется к смартфону, а я чувствую, как у меня холодеет спина.

Глава 10. Она еще и поет!

Глава от лица продюсера

Интересная, однако, вышла ситуэйшн. Пацан от Славика оказался нулем, из такого вытянуть разве что один долбаный хит, в который спонсоры вложатся дохрена. И хорошо, если выйдет в ноль, а если влетят в минус...

А вот девчонка...

На ней можно нагреться. Одни глазища только на поллица, ресницы — километр, с такими при желании на сцене можно просто открыть пару раз ротик — и слава твоя.

То есть моя.

Ябвдул. Такую поскорее хочется трахнуть, да еще и одета по-простому — ей пошел бы скромный образ а-ля девчонка с нашего двора и какую-нибудь мега-пургу, чтобы сделать шикарный миф. Это я уж придумаю.

Сейчас таких мало, приятный голос при хороших внешних данных...

Быстро осматриваю ее с головы до ног, пока она, отвернувшись, закрывает дверь. И тут же безразлично смотрю в экран, якобы ее даже не вижу.

За таких я берусь... Еще как берусь...

Кстати, чья она?

Такую возьму без бабла. Раскручу так, что она будет юлой у меня крутиться: концерты, интервью, благотворительность,

клипы, акции, шоу...

... и в перерывах минет. Мне. Только мне. Поначалу делиться не буду, этот рот должен обслуживать только меня. А уж потом...

Потом главное деньги, но это мы уже посмотрим.

— Проходите, — указываю на стекляшку. Пускай валит в кабинку, а то трахну прямо сейчас, а потом окажется она от кого-нибудь из крутых ребят, с девками которых надо бы поосторожнее.

Нет.

Сегодня я просто с ней пообщаюсь, даже не намекну. Типа все чисто по делу и меня интересует ее голос.

— Включайте, когда будете готовы.

Пускай поет.

Смотрю, как идиот, в микшерский пульт, а перед глазами ее длинные стройные ноги, короткое платьице, как будто даже мягое, наивные глаза...

Она начинает петь и — удивленно на нее пялюсь — она еще и петь умеет! Попадает в ноты, поет очень даже чисто и голос поставленный...

Да она поет!

На ней можно срубить кучи бабла, не сильно парясь созданием фонограммы. Такую можно пустить и под минус. Налажает, конечно, но кто не лажает в свой первый раз.

Первый раз... Интересно, а вдруг она девочка? Совсем еще девочка? Больно наивные глаза. К своим сорока трем я

легко читаю целка ли баба по одному только ее взгляду.

Бляха-муха, вот сто процентов уже заметил, что как только баба трахнется — сразу меняется взгляд. Становится более... уверенным, что-ли и каким-то таким бабским.

А эта...

Чертова в рот. Эта — огонь.

Она продолжает петь, а я начинаю надрачивать. Она все равно не видит, закрыла глаза и поет...

Вжимаюсь в микшерский пульт так, чтобы она не видела меня ниже пояса. Расстегиваю ширинку и начинаю балдеть.

Член уже хоть куда и в норме сейчас бы в нее разрядиться, но эта девка не дает мне покоя.

Узнать бы чья она...

Но она поет и делает это так самозабвенно, что сцена по ней явно плачет. И мои денежки тоже.

Яб с нее нагрел хорошо...

Дикий стояк, щас уже брызнет и нахрен мне щас это надо... напрягается кадык...

Она кончает сладко, хорошо — поет, раскинув руки и я замечаю по чистому звуку — у нее хорошее расслабленное горло. С такой будет первоклассный минет, она не будет зажимать, глубоко берет, нормально дышит...

— Выходите, — даю ей знак.

Лицо сияет, щеки покрасневшиеся от усилий. Не девка — а охрененный клад.

— Такая мне, в принципе, и нужна, — мысли вслух, но

она, похоже, их слышит. Стоит ни жива - ни мертва — слушает все, что я скажу.

— Слушай, а ты от кого пришла?

Молчит, мнется, похоже боится назвать имя своего папеньки, мужика или брата.

Нет, надеюсь, не мужика.

Ну это ерунда, все равно дальше сама все поймет. А сейчас... уверенно ее выпроваживаю, сначала, ессно, беру номер и обещаю, что позвоню.

Глава 11. Меня поймали

— Ну ладно, разберемся потом. В принципе, это не так важно, — он продолжает.

Фффух... выдыхаю.

— Голос хороший... Вы где-то учитесь?

— В театральном.

— О, актриса?

Киваю. Да.

— Я запишу, на днях с вами свяжемся. В принципе, я беру вас в работу.

Стесняюсь спросить что за проект, но лучше не лезть, лишнего не спрашивать. Иначе опять вернется к тому, от кого я пришла, кто меня послал.

Раз кастинг закрытый, значит, попасть сюда нереально. А если так — то я на хорошем пути!

Киваю.

Он кивает в ответ, записывает мой телефон и, улыбаясь, прощается.

Выхожу за дверь и быстренько иду вниз.

Лестничный пролет вниз, вроде вот коридор, сейчас главное не напороться на Саню или на Марка. Если что — на все им говорю “нет”, но, главное, вежливо — чтобы не разозлить.

Выскальзываю на улицу. Майский воздух прохладен и невероятно свеж после напряженной атмосферы студии.

Делаю глубокий вдох, и на губах сама собой расплывается улыбка. Получилось.

Не знаю, как, но получилось.

Этот случайный человек... строгий, серьезный, но в его глазах я увидела не похоть, а интерес. Настоящий, профессиональный. И он дал понять, что хочет со мной работать.

Прохожу мимо стоянки, почти подпрыгиваю от счастья.

Эх, имя у него не спросила! Жаль.

Ну ничего, узнаю. Главное — выбралась, нашла свой шанс. Теперь быстренько домой, заварить чаю, переварить все это...

Резкий, пронзительный звук клаксона заставляет меня вздрогнуть и отпрыгнуть к обочине.

Останавливается огромный черный внедорожник. Стекло пассажирской двери с шипящим звуком опускается, и оттуда доносится знакомый голос:

— *Нашлась пропажа! Где прогуливалась, звезда?*

Саня.

Смотрит на меня с заднего сиденья, на лице та же ехидная ухмылка.

Сердце проваливается в пятки, по спине бегут мурашки.

— Я... мне нужно домой, — бормочу и пачусь назад.

— Домой?

Дверь распаивается, из машины выходит Марк, его мас-

сивная фигура быстро оказывается возле.

— Ты сегодня работаешь. Мы же договорились. Или ты уже успела забыть?

— Нет, я не... Я не буду, — пытаюсь сказать тверже, но черт, голос дрожит.

Марк легко хватает меня за локоть, его пальцы впиваются в кожу.

— Не упрямься, красотка. Поехали. Поговорим в дороге. Силой заталкивает в салон, вонючий от дорогого парфюма и сигарет.

Дверь захлопывается с глухим стуком.

Саня сидит рядом, развалившись на кожаном сиденьи.

— Расслабься, — говорит он и машина плавно трогается с места, — мы же о тебе заботимся. *У нас для тебя шикарный контракт. Один вечер — один концерт в закрытом клубе для... особых гостей. Споешь — прилично заработаешь, забашляешь покруче других певичек.*

Странно звучит.

Молчу, сжавшись в комок, глядя в темное стекло, за которым проплывают огни города.

Решаюсь на логичный вопрос:

— А чем я так хороша?

Про себя глотаю то, что я могу заработать больше других “певичек”.

— Хах, мы знаем вкусные места, — он похохатывает, —

а тебе повезло знать нас.

— Ну что? — давит Марк. — Кивни, если согласна. Мы же не звери, насильно тащить не будем.

Я зажмуриваюсь, в голове звучит «нет».

Кричит «нет».

НЕТ!!!

!!!

Но я понимаю — если откажусь, все может кончиться плохо. Либо силой заставят, либо... Сделают так, что тот человек больше со мной работать не будет.

А если скажу «да»... это всего лишь один концерт.

Один.

С деньгами, надеюсь, все будет честно. На всякий случай нагло спрашиваю:

— А все по-честному, да? Я получу деньги?

Чувствую их взгляды.

— Вот тебе, — Саня дает мятые купюры. Сумма довольно приличная, если не подделка, конечно.

— Это наличкой. И щас еще переведу... Продиктуй номер.

Запинаюсь, молчу.

Вижу его глаза и быстренько заученно диктую. Спустя минуту мне приходит такая вкусная сумма, что я по-новому смотрю на мир.

— И это не все. Дальше зависит от работы.

Ни о чем больше не спрашиваю, молчу.

Я не говорю «да».

Не киваю.

Но перестаю сопротивляться.

Я просто сижу, опустив голову, и молча смотрю на свои колени. Мое молчание, моя покорность — это и есть для них ответ.

Саня удовлетворенно хмыкает.

— Вот и умница. Отвезем тебя, приведешь себя в порядок. Сегодня твой дебют, птичка. Запоешь так, что все ахнут. Машина набирает скорость, увозя меня в ночь.

Глава 12. Я не могу...

Меня грубо толкают в гримерку, пропахшую потом и дешевым парфюмом.

Внутри две девушки. Одна в кожаных чулках и корсете, поправляет накладные ресницы, не глядя в мою сторону.

Вторая — в перьях, и почти ничего на ней больше нет. Она курит у открытого окна, ее взгляд пустой и отрешенный.

Меня подводят к гримерному столу, на стуле перед зеркалом лежит маленький пакет.

Угрюмый тип, весь в черном, тычет в него пальцем.

— Переодевайся. Быстро.

Я разворачиваю «наряд».

Это даже не одежда — две узкие полоски черного латекса, скрепленные между собой несколькими тонкими цепочками.

Одна полоска — догадываюсь — должна прикрывать грудь, но она настолько узкая, что скорее подчеркнет голое тело, чем скроет.

Вторая — подобие трусиков-стрингов, но с глубоким вырезом спереди и сзади, так что ягодицы остаются полностью открытыми. К цепочкам прикреплены мелкие холодные шипы.

Замираю, сжимая в руках этот кусок резинового позора.

— Я не могу это надеть... — говорю тихо.

Менеджер хлопает ладонью по косяку.

— Можешь, или выйдешь голая. Тут без разницы, все это твои проблемы. Твой псевдоним — «Сирена», запомни. Ты поешь «Май лаф». Не проспай когда объявят.

Уходит, хлопнув дверью. Девушки в его сторону даже не смотрят. Похоже, им привычен подобный тон.

Из-за стены доносится приглушенный бит музыки и гул мужских голосов.

Руки начинают подрагивать.

С трудом снимаю платье и с отвращением натягиваю этот латекс — холодный и липкий к коже.

Чувствую себя абсолютно голой, уязвимой и униженной.

В зеркале отражается не я — а какое-то постыдное подобие меня.

Внезапно дверь распахивается.

— Сирена, на сцену!

Тут же заявляю:

— Я эту песню не знаю! Я не знаю слов!

Он берет меня за руку выше локтя и тащит. Спотыкаюсь на высоких каблуках, пытаюсь сопротивляться, но он сильнее.

Еще бы, такой амбал.

Из темноты за кулисами я вижу подсвеченную красным сцену. Маленькая, буквально на три шага. И перед ней — несколько столиков с людьми.

Сидят мужчины, их крайне мало, человек десять. Они не кричат, не скандируют — мало похожи на настоящих клубных зрителей.

Они разговаривают, курят, пьют.

И смотрят.

Их взгляды тяжелые, оценивающие, как будто тут какой-то дикий аукцион прямо посреди города.

Голос за кадром, томный и насмешливый, объявляет:

— Встречайте, новенькая дикарка, наша дикая Сирена!

Менеджер толкает меня в спину, я вываливаюсь на сцену, свет софита бьет в глаза, слепит...

Замираю, пытаюсь прикрыться руками, но это бесполезно. Латекс только еще больше жмет к коже и больно ранит.

Из динамиков начинает звучать незнакомый ритм — тяжелый, чувственный.

Мне надо петь, но...

Я не знаю ни слова. Смотрю за кулису — тип в черном показывает, чтобы я поднесла микрофон ко рту.

Подношу, но все равно тишина, пробую петь — хоть просто “mmm”, но ничего не слышно.

Вдруг из динамиков донесся приятный женский голос и зрители с интересом начали смотреть на меня.

Я стою посреди сцены, “пою”, практически голая, под холодными взглядами мужчин. Они на меня смотрят так, как на...

Сразу становится ясно, что это не просто выступление. Мужские взгляды меня поедают, а музыка, кажется, идет к завершению...

И только сейчас до меня ПО-НАСТОЯЩЕМУ ДОХОДИТ, что через секунду песня кончится и меня отдадут в чьи-то лапы...

Глава 13. Надо вытерпеть...

Не дай боже последний аккорд, — стучит в голове, но музыка действительно кончается. Плюсика со сладким женским голосом замолкает, тишину зала нарушают несколько жидких хлопков.

— Bravo! — в тишине звучит громко, но оно какое-то... слишком вычурное, как будто кто-то дает мне лживую оценку.

“Идем” — жестом показывает менеджер, и я иду к нему за кулисы. Он берет меня под локоть и ведет.

— А меня... к-куда?

— Работать, — говорит он, удивляясь.

— Я не понимаю...

— Сейчас все поймешь.

Он открывает ключом черную дверь, на ней нет никакой вывески, только стильная золотая ручка.

Пультom включает свет — красная подсветка загорается огнем.

— Садись на кровать и жди.

Оглядываю комнату, смотрю на большую кровать — она стоит в самом центре — большая и безумно пугающая.

Красные стены, или кажется от света, что они красные, на стенах — целые наборы плетей: длиннее, тоньше-толще, плетеные.

Напротив — стена с лопатками из черной кожи, на виду наручники. Глаза выхватывают все самое страшное, пугающее...

— Я что... — сердце падает в пятки.

Сбежать уже не получится. Потухшим голосом спрашиваю последнее:

— А с кем мне...? — в голосе нотки слез.

— Герман твой клиент. Ты же для него пела.

Говорю, чуть не плача:

— А я и не знала! Я вообще не хотела здесь петь, я...

И так хочется сейчас прокричать обо всем — что я прошла **НОРМАЛЬНЫЙ** хороший кастинг, что меня внимательно слушал продюсер, оценил мой голос, а не то, что между ног.

Вслух молчу, но это все говорю про себя...

... говорю себе — чтобы хоть как-то выдержать то, что сейчас будет.

— Деньги ты уже получила. Понравишься — он добавит еще.

Не понимаю вообще ничего.

— А за что добавит?

Смотрю на него глупо.

— Если вытерпишь.

— Чтоооо вытерплю??? — вскрикиваю, глаза на лоб.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую. Говорит так, словно само собой разумеется:

— *Герман любит причинять боль.*

Я остаюсь одна, в ужасе осматриваю комнату. Металлические штыри непонятного назначения, стальные лопасти-зажимы разных видов, шары черного цвета на кожаных ремешках короткой длины...

Что это?

Слышу шаги, они уже совсем рядом. Дверь открывается, я морщусь, закрываю глаза руками и слышу изумленное:

— Не ожидал, красавица... Не ожидал.

Глава 14. Уже не сбежать...

В страхе подпрыгиваю, прикрываюсь руками:

— Это... вы?

Мужчина-продюсер, который сегодня меня слушал. В его глазах читаю осуждение, но он быстро меняет его на доминантный деспотичный взгляд.

— А могла бы петь...

Непонимающе спрашиваю:

— Это вы... Герман?

— Герман-Герман.

Смотрю на него во все глаза и кажется — сейчас все будет хорошо. Я быстро все объясню...

Запыхиваясь, начинаю:

— Я... меня привезли обманом, сказали спеть, я не знала... этот костюм... мне так стыдно...

Он перебивает:

— Отличный костюм, на мой взгляд.

Неспеша он подходит к стене, берет в руки черный прямоугольник на ручке.

— Начнем со стека, — и показывает мне эту штуку.

Рывком, он сдирает с меня тонкую полоску латекса — она держалась на тончайшем силиконе.

Стек касается моего соска и мягко гладит. Неторопливо он его уводит и больно лупит с замаха:

— Ааах... — удивленно на него смотрю.

Он же меня узнал, знает, что я певица. Значит... не должен...

Подносит ко второму соску и наносит новый удар.

Вздрагиваю, дергаюсь, пытаюсь проглотить возглас, но он предательски вырывается наружу:

— Аааахх..

Прикрываю грудь, но он касается стеклом рук и я послушно их опускаю.

— Я тебя сегодня слушал, — его голос ровный, без злости, — слышал твой голос. Приятный, с хорошей опорой и слух у тебя что надо... и лицо, и фигура...

Он проводит стеклом по моему животу. Сжимаюсь от напряжения.

— Но ты выбрала легкие деньги.

— Я не...

Резким движением подносит стекло к губам:

— Молчи. Ты уже сделала выбор. Вышла на сцену в этом... — он с интересом проводит стеклом по латексу на моих бедрах, — ...в этом наряде.

Стекло со свистом рассекает воздух, оставляя на бедре огненную полосу.

— Ааах...

Вскрикиваю, и к стыду своему, чувствую, как в животе пробегает возбужденный спазм.

Его пальцы касаются тонкой полоски латекса на бедре, он

захватывает его и легко разрывает. Рваные трусики остаются на мне висеть.

Жестом он показывает “сними”.

Спускаю их между ног и пяткой откидываю в сторону.

— Тебе не нужен продюсер, — он отходит к стене, — тебе нужен хозяин, который научит слушаться, выбьет из тебя всю глупость про легкий успех.

В его руках появляется плеть с дюжиной мягких кожаных хвостов.

— Руки вперед. Ладонями вверх.

И хлестко бьет по нежной коже. Всего раз — четко и настолько больно, что я мысленно сжимаюсь в маленький комочек и обиженно вою:

— Уууу...

— Я мог сделать из тебя певицу, — слышу его голос за спиной, и от этих слов боль на миг становится сладкой, — но сейчас ты будешь просто шлюхой, которую я выпорю до слез.

Он бросает плеть и расстегивает пряжку ремня. Вынимает из шлевок ремень и вдвое складывает:

— И самое главное, — он проводит сложенным ремнем по моим щекам, — что многие так кончают, кто хочет славы. Оседают вот тут, на дне. Им неохота каждый день петь — заниматься, распеваться — одним словом — работать.

— Но я...

Думала, он ударит, но он отходит и дает понять — говори.

— Я очень хочу петь... Каждый день заниматься, распе-

ваться...

Блин, это ложь — наглая и неприкрытая. Я мечтала совершенно о другой жизни — о роскоши, славе, признании. Но каждый день заниматься вокалом... Боюсь, это не по мне.

Он подходит к стене и снимает с нее толстую плоть. Открывает шкаф и вынимает блестящую от целлофана пику, надрывает пакет, рвет, и берет в руку прозрачный гель.

— Возьми торшер, поставь его между ног и... — он машет ремнем в сторону стола, — ...ложись на стол.

Замираю в ужасе.

Он кивает.

На ватных ногах направляюсь, трогаю металлическую ножку торшера, передвигаю. Касаюсь ягодицами стола...

— Ложись на спину, посмотрим какая ты девственница.

От этих слов леденею так, что даже двинуться не могу.

Он подходит, давит на плечи — заставляет улечься — помогает поставить пятки на стол и развести ноги.

— Колени сгибай. Вот так. И сильнее раздвигай в стороны. Ставь пятки на самый край стола.

Смотрю в светлый потолок, вижу, как он подносит торшер и ставит между моих раскрытых бедер.

Бросает ремень и кидает толстую мощную плетку на кресло.

Эффектным движением ставит на стол анальную пробку

— черную, каплевидную — и я с ужасом на нее смотрю. Широкая капля и крепкое основание, такая штука никак не залезет в мою попу... ни за что и никогда...

Он касается пальцами губок и я резко вскакиваю, закрываю лоно рукой, в страхе на него смотрю:

— Нет, я не буду... я правда не такая...

И добавляю шепотом:

— ...пожалуйста...

Привычно он берет с полки предмет — непонятные металлические трубки... все это выглядит пугающе жутко...

И подносит к моему лицу:

— Открой рот.

Верчу головой:

— Нет...

Плеть жестко обжигает соски. В страхе поднимаю руки, закрываю грудь и тоненько вою.

— Уууу...

Сажу на столе, ноги — широко, пятками по углам. И плеть ударяет прямо туда — между....

— Аааай... — на глазах слезы.

Зажимаюсь, всхлипываю, меня бьет мелкая дрожь...

Тяжелой рукой он вынуждает меня лечь. Нагретая столешница уже не так холодит кожу.

— Открой рот, — его рука с металлическим предметом нависает надо мной.

Зажмуриваюсь и покорно открываю. Холодный металл

неумолимо раздвигает челюсти, фиксируя их в открытом положении. Теперь могу только издавать глухие гортанные звуки.

Слезы катятся по вискам.

Тяжелой рукой он кладет ремень мне на живот и говорит спокойным голосом:

— Сейчас буду смотреть какая ты девственница. И... за каждое непослушание буду пороть.

Глава 15. Последнее предупреждение

Вздрагиваю от его пальцев.

Влажные и скользкие, они снова касаются раскрытых губок. Огонь от удара их все еще обжигает...

Испуганно дергаюсь, но не смею сопротивляться. Его прикосновение станов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.